

Паскалевские мотивы в поэзии Е.А. Баратынского

Екатерина Демидова, студент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), eedemidova@edu.hse.ru

В статье делается попытка продемонстрировать ранее не исследованное сходство между лирикой «поэта пушкинской поры» Е.А. Баратынского и знаменитым трудом французского философа XVII века Блеза Паскаля «Мысли». Популярность идей Паскаля в русской культурной среде первой половины XIX века, а также его высокая оценка литературными друзьями и наставниками поэта позволяют допустить как минимум опосредованное влияние Паскаля на Баратынского, тем более вероятное в связи с интеллектуальной направленностью и французскими истоками творчества последнего. Сопоставляя «Мысли» Паскаля и ряд стихотворений Баратынского, автор устанавливает несколько образных и мировоззренческих параллелей, относящихся к темам человеческого существования, веры и безверия, счастья и поиска истины, противостояния между сердцем и разумом. Как показывает автор, наибольшее сходство с Паскалем Баратынский обнаруживает в стихотворении «Недодносок», лирический герой которого сопоставим с паскалевским «мыслящим тростником». В целом статья вносит вклад в изучение неоднократно отмеченного родства между Паскалем и русской культурой, а также предлагает взглянуть на творчество Баратынского с новой стороны.

Ключевые слова: Е.А. Баратынский, Блез Паскаль, рецепция Паскаля в России, пушкинская пора, философская поэзия, религиозные мотивы

Для цитирования: Демидова Е.Е. Паскалевские мотивы в поэзии Е. А. Баратынского // Метаморфозис. 2025. Т. 9. № 3. С. 94-110.

Дата поступления: 20.02.2025.

Введение

Идеи Блеза Паскаля (1623-1662) приобрели популярность в России начиная с конца XVIII в. и были живо восприняты как философами, так и писателями. Его сочинения читали преимущественно на языке оригинала, однако с начала XIX века неоднократно предпринимались попытки перевода на русский язык. Рецепция Паскаля в России довольно подробно изучена¹: исследователи рассматривали как его влияние на отдельных ав-

¹ См.: Стрельцова Г.Я. Паскаль и европейская культура. М.: Республика, 1994. С. 291-401;

Автор рисунка – Анастасия Сухарева²

торов (А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, И.С. Тургенева, Ф.И. Тютчева, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого и мн. др.), так и типологическую общность между французским философом и отечественными мыслителями. Однако до сих пор не была проанализирована связь между Паскалем и Е.А. Баратынским (1800-1844) – за исключением статьи Н.Н. Мазур «Метафизика мухи: Баратынский и Паскаль», в которой фрагмент из «Мыслей» Паскаля утверждается в качестве возможного источника стихотворения Баратынского «Ропот». Как мы покажем далее, в поэзии Баратынского гораздо больше идейно-образных параллелей с Паскалем, и есть основания полагать, что они не случайны.

Историко-литературный контекст

Наследие Паскаля высоко ценилось современниками поэта. Согласно И.З. Сурат, в пушкинскую эпоху «мысли Паскаля были на слуху»: «в разное время отзывы о нем оставили Н.М. Карамзин, П.А. Вяземский, В.А. Жуковский, В.Ф. Одоевский, П.А. Катенин», но «особенно близок» он был молодым «философам-любомудрам» (Хомяков, Киреевский), с которыми А.С. Пушкин общался во время сотрудничества в «Московском Вестнике» (этим исследовательница объясняет собственно пушкинский интерес к Па-

Тарасов Б.Н. «Мыслящий тростник». Жизнь и творчество Паскаля в восприятии русских философов и писателей. М.: Языки Славянской Культуры, 2009; Блез Паскаль: pro et contra. СПб.: РХГА, 2013; Франция и Россия: вокруг Блеза Паскаля. СПб.: Алетей, 2020.

² Согласно замыслу художника, два дерева, изображенные на рисунке, символизируют философские размышления Паскаля и поэтическое творчество Баратынского. Человек у Паскаля – тростник мыслящий, и потому ветви-«тростинки», переплетаются, образуя общую канву, олицетворяющую связь идей двух авторов. В пустых промежутках между деревьями приведены отрывки из стихотворений Баратынского, в которых автор статьи отмечает влияние паскалевской мысли.

скалю)³. Хотя в работах о восприятии Паскаля Хомяковым и Киреевским чаще всего рассматриваются их более поздние славянофильские сочинения, еще в период «любомудрия» (т. е. увлечения немецкой идеалистической философией, прежде всего Шеллингом) их интересовала идея интуитивного познания и критика рационализма, свойственные также Паскалю. Важно заметить, что и Баратынский был привлечен к сотрудничеству в журнале «любомудров», общение с которыми – в особенности с Киреевским – значительно повлияло на философские воззрения поэта⁴.

Что касается самого Пушкина, он дважды упоминал Паскаля в ряду величайших французских авторов⁵; кроме того, в его творчестве отмечались многократные переключки с Паскалем: это опыт фрагментарной формы («Отрывки из писем, мысли и замечания», 1827), точность и краткость как основа писательского мастерства, представление о мысли как о величайшей ценности, мотив поиска веры сердцем и разумом, даже образ «зыблущегося тростника». Учитывая постоянный эстетический диалог между Баратынским и Пушкиным, их взаимные заимствования и реминисценции, нельзя исключать, что паскалевские мотивы у Пушкина могли сказаться и на творчестве Баратынского. Однако напрямую процитировал Паскаля Пушкин лишь один раз (в упомянутых выше «Отрывках»), поэтому о сильном влиянии говорить нельзя⁶.

Обращался к Паскалю и К.Н. Батюшков, что может показаться неожиданным, учитывая его репутацию главного представителя «легкой поэзии». Беспечная мечтательность и эпикурейская тематика характерны для ранней лирики Батюшкова, однако после духовного кризиса 1810-х гг. усилились религиозные настроения поэта и его творчество окрасилось в трагические тона. В статьях этого периода мысли Батюшкова нередко совпадают с паскалевскими: он называет человека «лучом божества, заключенном в прахе» и «порабощенным всем стихиям»⁷, говорит о неспособности светской мудрости утешить человека в его страданиях и о превосходстве сердца над умом в постижении «морали, основанной на небесном откровении»⁸. Батюшков был одним из главных литературных «учителей» для молодых поэтов 1820-х гг., в том числе для Баратынского: но, как и Батюшкова, его

³ *Сурат И.З.* Пушкин и Паскаль // Пушкинский сборник. М.: Три квадрата, 2005. С. 171.

⁴ *Хетсо Г.* Евгений Баратынский: жизнь и творчество. Oslo; Bergen; Tromsø: Universitetsforlaget, 1973. С. 147.

⁵ См.: *Пушкин А.С.* О ничтожестве литературы русской // Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 11. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 270; *Пушкин А.С.* Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной // Там же. Т. 12. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 69.

⁶ *Рак В.Д.* Паскаль // Пушкин: Исследования и материалы. Т. XVIII/XIX. СПб.: Наука, 2004. С. 235-236.

⁷ *Батюшков К.Н.* О лучших свойствах сердца // Сочинения: В 2 т. Т. 1. М.: Худ. лит-ра, 1989. С. 150.

⁸ *Батюшков К.Н.* Нечто о морали, основанной на философии и религии // Сочинения: В 2 т. Т. 1. М.: Худ. лит-ра, 1989. С. 154.

недолго увлекало эпикурейство. «От позднего Батюшкова Боратынский – романтик воспринял особое отношение к жизни как трагедии, перенял многие его образы»⁹. Можно предположить, что паскалевские по духу взгляды на человека, которые были характерны для позднего Батюшкова, и формировали то самое отношение к жизни как трагедии, – и именно это привлекло внимание Баратынского при его уходе от «легкой поэзии».

Итак, в культурном контексте первой половины XIX в. Паскаль и паскалевские мотивы (двойственность человека, конфликт сердца и разума, тема веры и безверия и др.) были чрезвычайно популярны, в том числе среди поэтов и мыслителей, оказавших влияние на творчество и мировоззрение Баратынского. Вполне вероятно, что в этой идейной среде Баратынский мог глубже проникнуться паскалевским наследием или же познакомиться с ним.

Поэтика Баратынского

С первых же стихотворных опытов Баратынский заявляет о себе как о поэте-мыслителе. Рационализм и аналитизм его поэзии были унаследованы от эпохи Просвещения, однако собственная философская позиция Баратынского шла вразрез с оптимистическими идеями просветителей. Творчество поэта исполнено глубокого трагизма, лишь усиливающегося с течением времени, – неспроста с легкой руки Пушкина за Баратынским закрепилось прозвище русского Гамлета¹⁰. «Постоянная обращенность Баратынского к собственным мыслям и чувствам отличается от внешне близкой к ней романтической субъективности тем, что она, не будучи освещенной гармонией или онтологией, останавливается, как в последующем у экзистенциалистов, перед ничто и одиночеством»¹¹ (отметим, что Паскаль многими считается предтечей экзистенциализма¹²).

Баратынский прекрасно знал французский язык и литературу; более того, современники и исследователи не раз отмечали «французский» характер его интеллектуализма. Литературное воспитание поэта опиралось на образцы французского классицизма, и это во многом определило как склад его ума, так и его творческий метод. И.М. Семенко видела истоки «гамлетизма» Баратынского в скептической французской философии XVII века, «в которой он был очень начитан»¹³, а В.Э. Вацуρο сравнивал его рассудоч-

⁹ Рудакова С.В. К вопросу о влиянии К.Н. Батюшкова на Е.А. Баратынского // *Фундаментальные исследования*. 2013. № 10. С. 1620.

¹⁰ «Гамлет-Баратынский» – так назвал поэта Пушкин в 1827 г. (*Пушкин А.С. Письмо Дельвигу* // Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 3. Л.: Наука, 1977. С. 30).

¹¹ Сафиуллин Я.Г. Об экзистенциальном в поэзии Е. Баратынского // *От романтизма к сопоставлению литератур*. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 2021. С. 157.

¹² Стрельцова Г.Я. Паскаль и европейская культура. С. 402.

¹³ Семенко И.М. Поэты пушкинской поры. М.: Худ. лит-ра, 1970. С. 226.

ные элегии с произведениями французских моралистов «типа Вовенарга, Ларошфуко или Паскаля»¹⁴. Подобные наблюдения дают нам основание искать в лирике Баратынского как минимум неосознанные переклички с Паскалем.

Идейно-образные параллели

Магистральная тема, в рамках которой позиция Баратынского сближается с паскалевской, – это удел человека. Трагическое мироощущение проявляется уже в ранних элегиях поэта, пронизанных мотивом бренности бытия и невластности человека над собственной судьбой. Подобно Паскалю (ср.: “...nous avons une idée du bonheur, et ne pouvons y arriver; <...> nous avons été dans un degré de perfection dont nous sommes malheureusement tombés”¹⁵), поэт говорит о недостижимости блаженства, некогда утраченного человеком:

Нам памятно небо родное,
В желании счастья мы вечно к нему
Стремимся неясным желаньем!..
Вотще! Мы надолго отвержены им!¹⁶

В первой половине 1820-х гг. Баратынский пишет стихотворение «Череп», где бессилие человека обличается в поистине паскалевском духе, – в последней редакции читаем:

Всесильного ничтожное создание,
О человек! уверься, наконец,
Не для тебя ни мудрость, ни всезнанье!¹⁷

У Паскаля читаем: “Humiliez-vous, raison impuissante; taisez-vous, nature imbécile... et entendez de votre maître votre condition véritable, que vous ignorez”¹⁸.

Пожалуй, наиболее близким к Паскалю следует признать ключевое в поэзии Баратынского стихотворение «Недоносок» (1835), в котором внутренний конфликт героя ранней лирики «расширяется до размеров выражения... “мировой скорби”, переживания мирового и общечеловеческого

¹⁴ Вацуро В.Э. Е.А. Баратынский // История русской литературы: В 4 т. Т. 2. Л.: Наука, 1981. С. 382.

¹⁵ Pascal B. Oeuvres de Blaise Pascal, publ. par l'abbé Ch. Bossut: en 5 vol. Vol. 5. La Haye: De-tune (Paris: Nyon), 1779. P. 226. Мы приводим цитаты из авторитетного издания Ш. Боссю, которое заменило первое пор-рояльское издание «Мыслей» вплоть до 1844 г.

¹⁶ Баратынский Е.А. Напрасно мы, Дельвиг, мечтаем найти... // Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 185.

¹⁷ Баратынский Е.А. Череп // Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 98.

¹⁸ Pascal B. Op. cit. P. 226.

неблагополучия»¹⁹. Приведем самые выразительные фрагменты из редакции 1842 года:

Я из племени духов,
 Но не житель Эмпирея,
 И едва до облаков
 Возлетев, паду слабей.
 <...>
 Бедный дух! ничтожный дух!
 Дуновенье роковое
 Вьет, крутит меня как пух,
 Мчит под небо громовое.
 <...>
 Изнывающий тоской,
 Я мечусь в полях небесных
 Надо мной и подо мной
 Беспредельных – скорби тесных!
 <...>
 Роковая скоротечность!
 В тягость роскошь мне твоя,
 В тягость твой простор, о вечность!²⁰

Также у Паскаля: “Car enfin, qu’est-ce que l’homme dans la Nature? Un néant à l’égard de l’infini, un tout à l’égard du néant, un milieu entre rien et tout. Il est infiniment éloigné des deux extrêmes; et son être n’est pas moins distant du néant d’où il est tiré, que de l’infini où il est englouti. <...> Nous sommes sur un milieu vaste, toujours incertains et flottants...”²¹.

Как и паскалевский «мыслящий тростник» (roseau pensant), Недоносок Баратынского занимает промежуточное положение между божеством и низшей природой. Все порывы в небеса этого неполноценного создания безуспешны, и память о высшем мире оказывается проклятием, а сама «промежуточность» обрекает его на абсолютное одиночество и бесприютность. «Понимание собственного бессилия – вот что доступно Недоноску, и в этом, по Баратынскому, главное из мучительных свойств мысли человека, – существа, принадлежащего к “племени духов”, наделенного сознанием»²².

По мнению Семенко, на философский замысел «Недоноска» значительно повлияла ода Г.Р. Державина «Бог»²³, с которой Баратынский, од-

¹⁹ Ильин В.Н. Таинство печали. К 165-летию Баратынского // Пожар миров. Избранные статьи из журнала «Возрождение». М.: Прогресс–Традиция, 2009. С. 356.

²⁰ Баратынский Е.А. Недоносок // Полн. собр. соч. и писем. Т. 3. Ч. 1. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 33–34.

²¹ Pascal B. Op. cit. P. 60–61.

²² Семенко И.М. Указ. соч. С. 257.

²³ Семенко И.М. Указ. соч. С. 259. Подробнее см.: Рудакова С.В. «Бог» Г.Р. Державина и

нако, полемизирует: Державин тоже указывает на «срединность» человека между телесными тварями и небесными духами, но основывает на этом веру в могущество человека – связующего звена в мироздании, уподобленного самому Богу «червя»; Баратынский же своим всеохватывающим скептицизмом подрывает общий для просветителей и романтиков культ человека. Тем не менее для нас важна сама линия преемственности между этими произведениями: исследователи отмечали переклички оды Державина с «Мыслями» Паскаля, а также с «Ночными размышлениями» английского поэта Э. Юнга – «духовного преемника Паскаля»²⁴. На Баратынского повлияла и философская поэзия Державина, и юнговская элегическая традиция, поэтому как минимум опосредованная связь «Недоноска» с Паскалем несомненна.

Еще одна точка соприкосновения между Паскалем и Баратынским – различие познания рационального и чувственного. Доказывая в статье 1821 г. относительность истин, которые у каждого возраста свои, Баратынский отрицает мудрость как привилегию бесстрастных стариков и говорит о заблуждении тех, кто пытается «понять холодным разумом то, что можно только понять сердцем и чувством»²⁵. Хотя в других текстах того же периода Баратынский утверждает иллюзорность мечтаний и влечений юности, сосуществование этих противоречивых настроений вполне закономерно: эпикурейский призыв к чувственным утехам следует из горького осознания быстротечности жизни. Тем не менее мотив противостояния чувства и разсудка, намечающийся в ранней лирике поэта, со временем становится все более серьезным и приобретает трагическое звучание.

Так, в любовном послании середины 1820-х гг. Баратынский уже вводит эту проблему в философский контекст:

Меж мудрецами был чужак:
«Я мыслю» пишет он, «итак
Я несомненно существую».
Нет! любишь ты, и потому
Ты существуешь: я пойму
Скорее истину такую²⁶.

«Недоносок» Е.А. Баратынского: «диалог» поэтов // «Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе»: сб. докл. междунар. конф. Магнитогорск: МаГУ, 2003. С. 194-197.

²⁴ Власов С.В. К проблеме интертекстуальных связей: Державин и Паскаль (оды «Бог», «Христос» и рукописные переводы «Мыслей» Паскаля из архива Державина) // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2020. Т. 79. № 2. С. 69.

²⁵ Баратынский Е.А. О заблуждениях и истине // Соревнователь просвещения и благотворения. 1821. Ч. 13. №1. С. 35.

²⁶ Баратынский Е.А. Мне с упоением заметным... // Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 249.

Разные исследователи возводили эту переработку знаменитой декартовской аксиомы то к Вольтеру²⁷, то к Руссо²⁸, но любопытно сопоставить ее с позицией Паскаля в отношении Декарта. «Сама мысль для Декарта есть основной, определяющий признак и атрибут человека, и в человеческом сознании следует искать доказательство существования Бога»²⁹; Паскаль же, признавая разум высшей способностью человека, в то же время доказывает его бессилие в универсальном постижении мира, в особенности религиозных тайн. Для Паскаля, в отличие от Декарта, сердце как орган чувственной интуиции обладает не менее высоким познавательным потенциалом, чем рассудок: именно в сердце изливается мистическое откровение, именно в нем коренится спасительная для человека вера в Бога. Баратынский идет еще дальше и утверждает, что способность чувствовать – залог бытия самого человека.

Здесь налицо влияние сентименталистской традиции XVIII века. Однако позиция нравственного сенсуализма, которую разделяли многие просветители, отчасти восходит именно к Паскалю. По мнению последнего, «ум может рассуждать о морали и предписывать всякие моральные нормы, но делают человека нравственным именно чувства и основанные на них действия: любви, сострадания, соучастия, утешения, милосердия, готовности помогать другим, жертвенности и т. д.»³⁰ «В русле паскалевской традиции выступает и Ж.-Ж. Руссо, для которого “существовать... значит чувствовать: наша восприимчивость чувств, несомненно, предшествует нашему разумению, и у нас были чувства раньше идей”»³¹. Придание чувству глубокого экзистенциального смысла (то, что Стрельцова назвала «метафизикой сердца»³²) характерно для многих русских мыслителей, и Баратынский, как видим, не является исключением.

В стихотворении 1832 г. «О мысль! тебе удел цветка...» мыслительная способность человека описывается через растительную метафорику: согласно исследователям, под цветком здесь скорее всего подразумевается «фиалка трехцветная (*Viola tricolor*), чье название в ряде европейских языков образовано от слов “мысль”, “размышление” и/или “воспоминание”, “память”: ср. французское *pensée* (мысль; воспоминание; трехцветная фиалка)»³³. Как и Паскаль, Баратынский говорит о слабости и в то же время

²⁷ Купреянова Е.Н. Комментарии к стихотворениям (к тому I) // Баратынский Е.А. Полн. собр. стих.: В 2 т. Т. 2. Л.: Сов. писатель, 1936. С. 254-255.

²⁸ Хетсо Г. Указ. соч. С. 303.

²⁹ Гинзбург Ю.А. Мысли о главном // Паскаль Б. Мысли. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1995. С. 23.

³⁰ Стрельцова Г.Я. Паскаль и европейская культура. С. 198.

³¹ Там же. С. 199.

³² Там же. С. 374.

³³ Мазур Н.Н., Охотин Н.Г. «Рососо нашего запоздалого вкуса...» (Из комментария к сти-

могуществе разума: его достижения преходящи, они быстро утрачивают актуальность, однако каждая увядающая мысль «зарождает новый цвет»³⁴. У Паскаля человек – тростинка, но мыслящая; у Баратынского мысль – быстро вянувший, но плодоносящий цветок.

Однако поэт-мыслитель постепенно становится противником рациональности. Уже в стихотворениях «Последняя смерть» (1827) и «Последний Поэт» (1835) изображаются страшные последствия того, что люди приносят чувства в жертву рассудку. В «Приметах» (1839) поэт рисует идиллическую картину «золотого века», когда люди руководствовались чувством и инстинктивно постигали «сердце природы», пока не вдалились в «суету» умственных «изысканий»³⁵. Здесь снова проводится идея падения человеческой природы: хотя она представлена в руссоистском духе, мотив утраты высшего знания близок и Паскалю.

К 1840 г. относится стихотворение «Ропот», описывающее власть ничтожной мухи над «мощно-крылатой мыслью»³⁶. Мазур предложила рассматривать последний образ как косвенную отсылку к заглавию паскалевского труда³⁷, а также провела параллель между этим текстом и фрагментом из «Мыслей»: “L’esprit du plus grand homme du monde n’est pas si indépendant, qu’il ne soit sujet à être troublé par le moindre tintamarre qui se fait autour de lui. <...> Ne vous étonnez pas s’il ne raisonne pas bien à présent; une mouche bourdonne à ses oreilles <...>. Si vous voulez qu’il puisse trouver la vérité, chassez cet animal qui tient sa raison en échec, et trouble cette puissante intelligence qui gouverne les Villes et les Royaumes”³⁸.

В 1840 г. Баратынский пишет и стихотворение «Мудрецу», где утверждает господство сердечных тревог над сухими построениями философов:

Тщетно меж бурною жизнью и хладною смертью, философ,
Хочешь ты пристань найти, имя даешь ей: покой.
Нам, из ничтожества вызванным творчества словом тревожным,
Жизнь для волненья дана: жизнь и волненье одно.
Тот, кого миновали общие смуты, заботу
Сам вымышляет себе...³⁹

хотворению Баратынского «О мысль! тебе удел цветка...») // Пушкин и его современники. Вып. 5 (44). СПб: Нестор-История, 2009. С. 358.

³⁴ Баратынский Е.А. О мысль! тебе удел цветка... // Полн. собр. соч. и писем. Т. 2. Ч. 1. С. 313.

³⁵ Баратынский Е.А. Приметы // Полн. собр. соч. и писем. Т. 3. Ч. 1. С. 27.

³⁶ Баратынский Е.А. Ропот // Полн. собр. соч. и писем. Т. 3. Ч. 1. С. 43.

³⁷ Мазур Н.Н. Метафизика мухи: Баратынский и Паскаль // Текст и комментарий (Круглый стол к 75-летию Вяч. Вс. Иванова). М.: Наука, 2006. С. 237.

³⁸ Pascal B. Op. cit. P. 81-82.

³⁹ Баратынский Е.А. Мудрецу // Полн. собр. соч. и писем. Т. 3. Ч. 1. С. 44. Мы приводим ст. 3 в неисправленном виде.

У Паскаля есть похожий пассаж: “Nos passions nous poussent au-dehors, quand même les objets ne s’offriroient pas pour les exciter. <...> Ainsi les Philosophes ont beau dire: Rentrez en vous-mêmes, vous y trouverez votre bien: on ne les croit pas; et ceux qui les croient, sont les plus vides et les plus sots”⁴⁰. Баратынский видит в пассивном покое, даруемом рациональными постулатами, духовную гибель человека: истоки этих воззрений можно обнаружить еще в письме 1814 г.: «Нет, ничем не смущаемый покой – это не жизнь. <...> Я бы избрал лучше полное несчастье, чем полный покой; по крайней мере, живое и глубокое чувство обняло бы целиком душу, по крайней мере, переживание бедствий напоминало бы о том, что я существую»⁴¹. К самодовольному спокойствию с презрением относился и Паскаль, убежденный, что первейшая обязанность человека состоит в выяснении конечной цели жизни, в неустанном поиске веры в жизнь вечную, – а эта вера может зародиться лишь в сердце: «On ne croira jamais d’une croyance utile et de Foi, si Dieu n’incline le cœur; et on croira, dès qu’il l’inclinera»⁴². Теперь рассмотрим, как к вере относился Баратынский.

Баратынский часто воспринимается как поэт крайнего пессимизма и разочарования, однако, «несмотря на скептицизм, мотив стремления к истинной вере ощущается в его лирике постоянно»⁴³. В конечном счете отчаяние лишь усиливает поиск высшего смысла и гармонии, и, как это ни парадоксально, сомнение ведет не к отрицанию, а к утверждению жизни.

Особенно ярко это проявилось в «Отрывке» (1829, впервые опублик. под заглавием «Сцена из поэмы: Вера и неверие»), который представляет в форме диалога двух героев метания души, жаждущей веры и в то же время охваченной сомнением. Стихотворение открывается идиллической картиной блаженства влюбленной пары на лоне природы. Созерцая прекрасный пейзаж, Он прославляет «великого Зиждителя»⁴⁴ и его чудесное Творение; Она каждое мгновение с любимым «равно ласкает» и молит Создателя лишь о том, чтобы не пережить милого друга. Мысль о смерти мгновенно сметает восторженные грезы героя, вселяя ужас перед непредсказуемостью и переходящестью жизни; Она же призывает не «предупреждать Провидение» и уверяет Его, что «есть бытие и за могилой». В ответном монологе герой пытается рассудочным путем обосновать веру в загробную жизнь и доказать благодать Всемогущего: не может Бог погубить «то, что мыслит, любит» и «чем Он создание довершил»; погрязший в несправедливости мир – это

⁴⁰ Pascal B. Op. cit. P. 185-186.

⁴¹ Песков А.М. Летопись жизни и творчества Е.А. Баратынского. М.: НЛЮ, 1998. С. 68.

⁴² Pascal B. Op. cit. P. 236.

⁴³ Занегина А.А. «Вера» и «неверие». Религиозные мотивы в творчестве Е.А. Баратынского // Молодой ученый. Серия “Филология”. 2013. № 8 (55). С. 466.

⁴⁴ Здесь и далее цит. по: Баратынский Е.А. Отрывок // Полн. собр. соч. и писем. Т. 2. Ч. 1. С. 239-242.

лишь «юдоль испытанья», за которой следует воздаяние, долженствующее оправдать Бога «пред нашим сердцем и умом». Заканчивается произведение утверждением героини, что не нужны «для убежденных убежденья» и

Премудрость Вышнего Творца
Не нам исследовать и мерить:
В смиренности сердца надо верить
И терпеливо ждать конца.

«Рациональный подход не отвергается в познании мира и Бога, но он недостаточен, поскольку Господь выше логики»⁴⁵. Реплики героини «Отрывка» выражают разделяемое Паскалем убеждение, что вера основана на интуитивном озарении.

Религиозные мотивы звучат отчетливее в позднем творчестве Баратынского. Стихотворение «Осень» (1837) изображает великую тоску человека, умудренного горьким опытом и разочаровавшегося в людях, в мечтаниях юности, во всех радостях бытия. Выходом из этого состояния может стать либо полное охлаждение к жизни, либо «признательное смирение» и «надежда, не видящая границ»⁴⁶, т. е. утешение в религии. В стихотворении «Ахилл» (1842) поэт сравнивает с античным героем современного человека – «бойца духовного», который становится неуязвимым, лишь опираясь на «живую веру»⁴⁷. Вскоре Баратынский утверждает милосердие и справедливость Господа, по замыслу которого «нет на земле ничтожного мгновения»⁴⁸. Веру в пронизанность всего высшим смыслом разделял и Паскаль: «Le moindre mouvement importe à toute la Nature; la mer entière change pour une pierre. Ainsi dans la grâce la moindre action importe pour ses suites à tout. Donc tout est important»⁴⁹.

Поиски «живой веры» увенчивает стихотворение Баратынского «Молитва», записанное по памяти и опубликованное Н.Л. Баратынской уже после смерти поэта:

Царь небес! успокой
Дух болезненный мой!
Заблуждений земли
Мне забвенье пошли
И на строгий твой рай

⁴⁵ Федосеева Е.Н. Жалобы библейского Иова в поэтической интерпретации Е.А. Баратынского // Вестник МГОУ. 2007. № 4. С. 171.

⁴⁶ Баратынский Е.А. Осень // Полн. собр. соч. и писем. Т. 3. Ч. 1. С. 80.

⁴⁷ Баратынский Е.А. Ахилл // Полн. собр. соч. и писем. Т. 3. Ч. 1. С. 53.

⁴⁸ Баратынский Е.А. Опять весна, опять смеется луг... // Полн. собр. соч. и писем. Т. 3. Ч. 1. С. 115.

⁴⁹ Pascal B. Op. cit. P. 538.

Силы сердцу подай⁵⁰.

Точное время создания этого текста не установлено и, кроме того, оно может выражать не столько религиозные чувства и устремления самого Баратынского – «поэта-скептика, в стихах не раз выражавшего сомнения в оправданности Божества», – сколько «воззрения [его] вдовы... на личность ее покойного мужа»⁵¹. Но в своих письмах Настасья Львовна настаивала на том, что именно Баратынский склонил ее к вере в божественную благодать и загробную жизнь⁵², и такой взгляд на позднего Баратынского, по ее желанию, закрепился после его смерти.

Паскаль считал: "...il n'y a que deux sortes de personnes qu'on puisse appeler raisonnables; ou ceux qui servent Dieu de tout leur cœur, parce qu'ils le connoissent; ou ceux qui le cherchent de tout leur cœur, parce qu'ils ne le connaissent pas encore"⁵³. Вопреки острому чувству «мировой скорби», сознанию царящей на земле несправедливости и разуверению в собственных идеалах, Баратынский, словно по завету французского философа, «до конца дней своих оставался ищущим человеком и ищущим поэтом»⁵⁴.

Заключение

Таким образом, между Паскалем и Баратынским прослеживаются многочисленные точки соприкосновения, и это относится не только к художественным переключкам, но и к общности философских воззрений. Сочетание пессимистического мирозерцания и глубокой христианской надежды, болезненного скептицизма и неизменного стремления к вере, острого ощущения несовершенства бытия и восхищения Божьим творением – все это сближает Баратынского с французским философом. Паскалевские мотивы пронизывают творчество Баратынского, начиная с юношеских разочарований в земной суете и заканчивая религиозными прозрениями последних лет жизни. Во многих произведениях поэта с необычайной точностью изображается мучительное противостояние между чувством и разумом, которое было столь важным предметом рефлексии Паскаля. Эволюция отношения Баратынского к разуму приводит его к убеждению в бессилии сухой логики и губительности холодного рационализма, однако он всегда остается «поэтом мысли» – и в этом совпадает с Паскалем, который признавал мысль величайшим достоинством человека.

⁵⁰ Баратынский Е.А. Молитва // Полн. собр. соч. и писем. Т. 3. Ч. 1. С. 146.

⁵¹ Бодрова А.С. Поздняя лирика Баратынского: источники, история публикации, проблемы текстологии // Баратынский Е.А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 3. Ч. 1. С. 477.

⁵² Там же. С. 478-479.

⁵³ Pascal B. Op. cit. P. 199-200.

⁵⁴ Хетсо Г. Указ. соч. С. 496.

Литература

Баратынский Е.А. О заблуждениях и истине // Соревнователь просвещения и благотворения. 1821. Ч. 13. №1. С. 25-36.

Батюшков К.Н. Сочинения: В 2 т. М.: Худ. лит-ра, 1989.

Блез Паскаль: pro et contra. Личность и творческое наследие Паскаля в восприятии и оценке русских философов и писателей / Вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. В.Д. Алташиной. СПб.: РХГА, 2013.

Бодрова А.С. Поздняя лирика Баратынского: источники, история публикации, проблемы текстологии // Баратынский Е.А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 3. Ч. 1. «Сумерки». Стихотворения 1835–1844 годов. Juvenilia. Коллективное. Dubia / Ред. тома А.С. Бодрова, Н.Н. Мазур; Подгот. текстов и текстологич. коммент. А.С. Бодровой при участии А.Р. Зарецкого, Н.Н. Мазур и А.М. Пескова. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 425-497.

Баратынский Е.А. Полное собрание сочинений и писем / Руководитель проекта А.М. Песков. М.: Языки славянской культуры, 2002 –.

Вацуро В.Э. Е. А. Баратынский // История русской литературы: В 4 т. Т. 2. Л.: Наука, 1981. С. 380-392.

Власов С.В. К проблеме интертекстуальных связей: Державин и Паскаль (оды «Бог», «Христос» и рукописные переводы «Мыслей» Паскаля из архива Державина) // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2020. Т. 79. № 2. С. 66-76.

Гинзбург Ю.А. Мысли о главном // Паскаль Б. Мысли / Пер. с фр. Ю.А. Гинзбург. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1995. С. 5-37.

Занегина А.А. «Вера» и «неверие». Религиозные мотивы в творчестве Е.А. Баратынского // Молодой ученый. Серия «Филология». 2013. № 8 (55). С. 466-470.

Ильин В.Н. Таинство печали. К 165-летию Баратынского // Пожар миров. Избранные статьи из журнала «Возрождение». М.: Прогресс–Традиция, 2009. С. 348-364.

Купреянова Е.Н. Комментарии к стихотворениям (к тому I) // Баратынский Е.А. Полное собрание стихотворений: В 2 т. Т. 2 / Ред., коммент. и биогр. ст. Е. Купреяновой, И. Медведовой; Вступ. ст. Д. Мирского. Л.: Сов. писатель, 1936. С. 255-322.

Мазур Н.Н. Метафизика мухи: Баратынский и Паскаль // Текст и комментарий (Круглый стол к 75-летию Вяч. Вс. Иванова). М.: Наука, 2006. С. 228-237.

Мазур Н.Н., Охотин Н.Г. «Рососо нашего запоздалого вкуса...» (Из комментария к стихотворению Баратынского «О мысль! тебе удел цветка...») // Пушкин и его современники: Сборник научных трудов. Вып. 5 (44). СПб: Нестор-История, 2009. С. 358-370.

Песков А.М. Летопись жизни и творчества Е.А. Баратынского. М.: НЛЮ, 1998.

Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. / Текст проверен и примеч. сост. Б.В. Томашевским. Л.: Наука, 1977 – 1979.

Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. / Ред. комитет: М. Горький, Д.Д. Благой, С.М. Бонди, В.Д. Бонч-Бруевич и др. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937 – 1959.

Рак В.Д. Паскаль // Пушкин: Исследования и материалы. Т. XVIII/ XIX: Пушкин и мировая литература. Материалы к «Пушкинской энциклопедии». СПб.: Наука, 2004. С. 235-236.

Рудакова С.В. «Бог» Г. Р. Державина и «Недоносок» Е.А. Баратынского: «диалог» поэтов // «Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе»: сб. докл. междунар. конф. Магнитогорск: МаГУ, 2003. С. 194-197.

Рудакова С.В. К вопросу о влиянии К. Н. Батюшкова на Е. А. Баратынского // Фундаментальные исследования. 2013. №. 10. С. 1617-1620.

Сафиуллин Я.Г. Об экзистенциальном в поэзии Е. Баратынского // Сафиуллин Я.Г. От романтизма к сопоставлению литератур. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 2021. С. 156-158.

Семенко И.М. Поэты пушкинской поры. М.: Худ. лит-ра, 1970.

Стрельцова Г.Я. Блез Паскаль. М.: Мысль, 1979.

Стрельцова Г.Я. Паскаль и европейская культура. М.: Республика, 1994.

Сурат И.З. Пушкин и Паскаль // Пушкинский сборник / Сост. И.Е. Лощилов, И.З. Сурат. М.: Три квадрата, 2005. С. 168-184.

Тарасов Б.Н. «Мыслящий тростник». Жизнь и творчество Паскаля в восприятии русских философов и писателей. М.: Языки Славянской Культуры, 2009.

Федосеева Е.Н. Жалобы библейского Иова в поэтической интерпретации Е.А. Баратынского // Вестник МГОУ. 2007. № 4. С. 166-172.

Франция и Россия: вокруг Блеза Паскаля / Под ред. К.Ю. Кашлявик. СПб.: Алетейя, 2020.

Хетсо Г. Евгений Баратынский: жизнь и творчество. Oslo; Bergen; Tromsö: Universitetsforlaget, 1973.

Pascal B. Oeuvres de Blaise Pascal, publ. par l'abbé Ch. Bossut: en 5 vol. Vol. 5. La Haye: Detune (Paris: Nyon), 1779.

References

Baratynsky E.A. "O zabluzhdenijah i istine" [About delusions and the truth]. *Sorevnovatel' prosveshcheniya i blagotvorenija*. 1821. Part. 13. N. 1. P. 25-36 (in Russian).

Batyushkov K.N. *Sochineniya: V 2 t.* [Works: In 2 vol.]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1989 (in Russian).

Blez Paskal': pro et contra. Lichnost' i tvorcheskoe nasledie Paskalya v vospriyatii i otsenke russkikh filosofov i pisatelei [Blaise Pascal: pro et contra. Pascal's personality and creative heritage in the perception and evaluation of Russian philosophers and writers], ed. by V.D. Altashina. Saint-Petersburg: RKHGA Publ., 2013 (in Russian).

Bodrova A.S. "Pozdnyaya lirika Baratynskogo: istochniki, istoriya publikatsii, problemy tekstologii" [Baratynsky's late lyrics: sources, history of publication, textology problems], in: Baratynskii E.A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Complete works and letters], Vol. 3, Part 1. "Sumerki". Stikhotvoreniya 1835–1844 godov. Juvenilia. Kollektivnoe. Dubia ["Sumerki". Poems of 1835–1844. Juvenilia. Collective. Dubia], ed. by A.S. Bodrova, H.N. Mazur. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2012. P. 425-497 (in Russian).

Baratynsky E.A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Complete works and letters], ed. by A.M. Peskov. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2002 – (in Russian).

Fedoseeva E.N. "Zhaloby bibleiskogo Iova v poeticheskoi interpretatsii E. A. Baratynskogo" [Biblical Job's complaints in the poetic interpretation of E. A. Baratynsky], *Vestnik MGOU*. 2007. N. 4. P. 166-172 (in Russian).

Frantsiya i Rossiya: vokrug Bleza Paskalya [France and Russia: around Blaise Pascal], ed. by K.Yu. Kashlyavik. Saint-Petersburg.: Aleteiya Publ., 2020 (in Russian).

Ginzburg Yu.A. "Mysli o glavnom" [Thoughts about the important], in: Pascal B. *Mysli* [Thoughts], trans. from French by Yu.A. Ginzburg. Moscow: Imeni Sabashnikovykh Publ., 1995. P. 5-37 (in Russian).

Il'in V.N. "Tainstvo pechali. K 165-letiyu Baratynskogo" [The mystery of sorrow. To the 165 anniversary of Baratynsky], in: Il'in V.N. *Pozhar mirov. Izbrannye stat'i iz zhurnala "Vozrozhdenie"* [Fire of worlds. Selected articles from the journal "Vozrozhdenie"]. Moscow: Progress–Traditsiya Publ., 2009. P. 348-364 (in Russian).

Kjetsaa G. *Evgenii Baratynskii: zhizn' i tvorchestvo* [Evgeny Baratynsky: life and work]. Oslo; Bergen; Tromsø: Universitetsforlaget Publ., 1973 (in Russian).

Kupreyanova E.N. "Kommentarii k stikhotvoreniyam (k tomu I)" [Commentaries on the poems (for the 1st volume)], in: Baratynsky E.A. *Polnoe sobranie stikhotvorenii: V 2 t.* [Complete works: In 2 vol.], Vol. 2, ed. by E. Kupreyanova, I. Medvedeva. Leningrad: Sovetskii pisatel' Publ., 1936. P. 255-322 (in Russian).

Mazur N.N. "Metafizika mukhi: Baratynskii i Paskal'" [The metaphysics of a fly: Baratynsky and Pascal], in: *Tekst i kommentarii (Kruglyi stol k 75-letiyu Vyach. Vs. Ivanova)* [Text and commentary (Round table to the 75 anniversary of Vyach. Vs. Ivanov)]. Moscow: Nauka Publ., 2006. P. 228-237 (in Russian).

Mazur N.N., Okhotin N.G. "'Rococo nashego zapozdalogo vkusa...' (Iz kommentariya k stikhotvoreniyu Baratynskogo 'O mysl'! tebe udel tsvetka...)" ["Rococo nashego zapozdalogo vkusa..." (From the commentary to Baratynsky's poem "O mysl'! tebe udel tsvetka...")], in: *Pushkin i ego sovremenniki: Sbornik*

nauchnykh trudov [Pushkin and his contemporaries: Collection of scientific papers], Issue 5 (44). Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya Publ, 2009. P. 358-370 (in Russian).

Pascal B. *Oeuvres de Blaise Pascal, publ. par l'abbé Ch. Bossut: en 5 vol.* Vol. 5. La Haye: Detune Publ. (Paris: Nyon Publ.), 1779.

Peskov A.M. *Letopis' zhizni i tvorchestva E. A. Baratynskogo* [A chronicle history of the life and work of E. A. Baratynsky]. Moscow: NLO Publ., 1998 (in Russian).

Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochinenii: V 10 t.* [Complete works: In 10 vol.], ed. by B.V. Tomashevskii. Leningrad: Nauka Publ., 1977 – 1979 (in Russian).

Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochinenii: V 16 t.* [Complete works: In 16 vol.], ed. by M. Gor'kii, D.D. Blagoi, S.M. Bondi, V.D. Bonch-Bruevich et al. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1937 – 1959 (in Russian).

Rak V.D. “Paskal” [Pascal], in: *Pushkin: Issledovaniya i materialy* [Pushkin: Studies and materials], Vol. 18/19: *Pushkin i mirovaya literatura. Materialy k “Pushkinskoi entsiklopedii”* [Pushkin and world literature. Materials for the “Pushkinian encyclopedia”]. Saint-Petersburg: Nauka Publ., 2004. P. 235-236 (in Russian).

Rudakova S.V. ““Bog” G.R. Derzhavina i “Nedonosok” E.A Baratynskogo: “dialog” poetov” [“God” by G.R. Derzhavin and “Nedonosok” by E.A. Baratynsky: a “dialogue” between the poets], in: *“Intertekst v khudozhestvennom i publitsisticheskom diskurse”: sb. dokl. mezhdunar. konf.* [“Intertext in artistic and publicistic discourse”: collection of reports of the international conference]. Magnitogorsk: MaGU Publ., 2003. P. 194-197 (in Russian).

Rudakova S.V. “K voprosu o vliyaniy K. N. Batyushkova na E. A. Baratynskogo” [To the question about the influence of K.N. Batyushkov on E.A. Baratynsky], *Fundamental'nye issledovaniya*. 2013. N. 10. P. 1617-1620 (in Russian).

Safiullin Ya.G. “Ob ekzistentsial'nom v poezii E. Baratynskogo” [About the existential in E. Baratynsky's poetry], in: Safiullin Ya.G. *Ot romantizma k sopostavleniyu literatur* [From the Romanticism to the comparison of literatures]. Kazan: IYaLI im. G. Ibragimova AN RT Publ., 2021. P. 156-158 (in Russian).

Semenko I.M. *Poety pushkinskoi pory* [Poets of the Pushkinian era]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1970 (in Russian).

Strel'tsova G.Ya. *Blez Paskal'* [Blaise Pascal]. Moscow: Mysl' Publ., 1979 (in Russian).

Strel'tsova G.Ya. *Paskal' i evropeiskaya kul'tura* [Pascal and European culture]. Moscow: Respublika Publ., 1994 (in Russian).

Surat I.Z. “Pushkin i Paskal” [Pushkin and Pascal], in: *Pushkinskii sbornik* [Pushkinian collection], ed. by I.E. Loshchilov, I.Z. Surat. Moscow: Tri kvadrata Publ., 2005. P. 168-184 (in Russian).

Tarasov B.N. “*Myslyashchii trostnik*”. *Zhizn' i tvorchestvo Paskalya v vospriyatii russkikh filosofov i pisatelei* [“Thinking reed”. Pascal's life and

work in the perception of Russian philosophers and writers]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2009 (in Russian).

Vatsuro V.E. "E.A. Baratynskii" [E.A. Baratynsky], in: *Istoriya russkoi literatury: V 4 t.* [History of Russian literature: In 4 vol.], Vol. 2. Leningrad: Nauka Publ., 1981. P. 380-392 (in Russian).

Vlasov S.V. "K probleme intertekstual'nykh svyazei: Derzhavin i Paskal' (ody "Bog", "Khristos" i rukopisnye perevody "Myslei" Paskalya iz arkhiva Derzhavina)" [Towards the problem of intertextual links: Derzhavin and Pascal (odes "God", "Christ" and handwritten translations of Pascal's "Thoughts" from Derzhavin's archive)]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka.* 2020. Vol. 79. N. 2. P. 66-76 (in Russian).

Zanegina A.A. "'Vera" i "neverie". Religioznye motivy v tvorchestve E.A. Baratynskogo" ["Belief" and "unbelief". Religious motifs in E.A. Baratynsky's oeuvre], *Molodoi uchenyi. Seriya "Filologiya"*. 2013. N. 8 (55). P. 466-470 (in Russian).

Pascalean Motives in E.A. Baratynsky's Poetry

Ekaterina Demidova, student, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow), eedemidova@edu.hse.ru

The article attempts to demonstrate a previously unexplored similarity between the lyrics of the poet of the Pushkinian era E. A. Baratynsky and the famous work of the 17th-century French philosopher Blaise Pascal *Thoughts*. The popularity of Pascal's ideas in the Russian cultural environment of the first half of the 19th century, as well as the high appreciation of him by the poet's literary friends and mentors suggest at least an indirect influence of Pascal on Baratynsky, which seems all the more likely due to the intellectual orientation and the French origins of the latter's oeuvre. By comparing Pascal's *Thoughts* and a number of Baratynsky's poems, the author establishes several figurative and ideological parallels related to the topics of human existence, faith and unbelief, happiness and search for truth, conflict between heart and mind. As the author shows, the greatest affinity with Pascal is found in Baratynsky's poem *Nedonosok*, whose lyrical hero is comparable to Pascal's "thinking reed". In general, the article contributes to the studies of the repeatedly noted kinship between Pascal and Russian culture and offers a new perspective on Baratynsky's oeuvre.

Keywords: E.A. Baratynsky, Blaise Pascal, reception of Pascal in Russia, Pushkinian era, philosophical poetry, religious motifs

For citation: Demidova E.E. (2025) Pascalean Motives in E.A. Baratynsky's Poetry// *Metamorphosis*. Vol. 9. N. 3. P. 94-110.

Date of receipt: 20.02.2025.